

УДК 39(594.47)

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-59-65

Молодежные субкультуры в контексте трансформации идентичности южных корейцев

А. С. Шмакова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Данная статья посвящена анализу проблемы взаимосвязи образования субкультур и гибкой (бессвязной) идентичности южных корейцев, сформировавшейся под влиянием процессов модернизации и глобализации при сохранении конфуцианского ядра национальной культуры. Особый конфуцианский тип общественного устройства Кореи, выработанный за период со Средних веков до настоящего времени, признает наличие различных, иногда противоречащих друг другу тенденций, требующих альтернативного функционирования культурных фильтров и ментальности, что является благоприятной почвой для появления большого количества групп с отличным от большинства жизненным укладом и ценностями. В зависимости от символики в южнокорейском обществе можно выделить молодежные субкультуры кей-поп-фанатов, андерграунда и хиппи, олдджанов, клубных тусовщиков, члены которых внутри группировок обладают сходными признаками – общий язык, сеть коммуникаций, личные связи, поверхностные знакомства, общие нормы и ценности, модели поведения и формы взаимоотношений. В долгосрочной перспективе корейцы будут продолжать активно воспринимать новые идеи и образцы, умело вписывая в свою культуру и монетизируя их.

Ключевые слова

Южная Корея, гибкая идентичность, бессвязная идентичность, субкультура

Для цитирования

Шмакова А. С. Молодежные субкультуры в контексте трансформации идентичности южных корейцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 59–65. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-59-65

The Role of Youth Subcultures in the Transformation of Identity of South Korean People

A. S. Shmakova

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the analysis of the relationship between the formation of subcultures and the flexible identity of South Korean people, which was formed under the influence of modernization and globalization while maintaining the Confucian core of national culture. The special Confucian type of social structure of Korea, developing since the Middle Ages to present day, recognizes the presence of various, sometimes conflicting trends, requiring alternative functioning of cultural filters and mentality, which is favorable soil for the emergence of a large number of groups with different lifestyles and values. In the 1960s in South Korea, modernization began which took place on the surface without preparing the foundation for such a kind of transformation. The rigidity of the political regime within the country, as well as following the political and economic course of the United States and the final rejection of the search for attempts to unite the Korean Peninsula against the background of superficial reform, led to the emergence of a large number of student movements for democracy, reunification and preservation of national specificity.

© А. С. Шмакова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies

In the midst of student movements of the 1960–1980s for democratic transformations, new subcultures and movements were born. Depending on the symbolism in South Korean society, nowadays one can distinguish subcultures of K-pop fans, underground and hippie, oljang, clubbers, whose members within groups have similar characteristics – a common language, communication network, personal connections, superficial acquaintances, general norms and values, behavior models and forms of relationships. In the long run, Koreans will continue to actively perceive new ideas and patterns, skillfully integrating them into their culture and monetizing them.

Keywords

South Korea, flexible identity, incoherent identity, subculture

For citation

Shmakova A. S. Youth Subcultures in the Context of Transformation of Identity of South Korean People. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 59–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-59-65

Введение

С момента разделения Корейского полуострова в 1948 г. и начала экономических и социальных реформ по западному образцу южнокорейское общество претерпело большое количество фундаментальных изменений, оказавших значительное влияние на его структуру. Ускоренная поверхностная модернизация, которая, тем не менее, не затрагивала фундаментальных основ общественного устройства, и необходимость сверхбыстрой адаптации к новым режимам и идеалам, при которой переход на следующую ступень развития происходил до того, как успела завершиться предыдущая, способствовали формированию идентичности особого типа, отличающейся значительной гибкостью.

Население Южной Кореи, воспитанное в духе конфуцианских норм и ценностей, даже со становлением постиндустриального общества и развитием урбанизации не утратило стремления к иерархичности, патриархальному укладу и консерватизму, особенно в частной жизни. Несмотря на процессы модернизации и вестернизации, которые в Южной Корее происходили со значительным опозданием¹, основой государственного устройства продолжала оставаться конфуцианская идеология, которая с XIV в. выступала своеобразным фильтром для всех трансформаций, происходивших в обществе.

И. А. Толстокулаков отмечает вслед за Ш. Эйзенштадтом, что для азиатского посттрадиционного мира характерно постоянное соотношение локальных исторических традиций и ценностно-культурных ориентировок с западными образцами с целью отбора наиболее подходящих и приемлемых. В случае если та или иная модель не подходит, то от нее отказываются (цит. по: [Толстокулаков, 2007. С. 154]). Конфуцианский культурный код, характеризующийся приматом морали и нравственности над эффективностью и институциональностью, не может быть изменен. Он признает гармоничное сосуществование множества вариантов развития, поскольку все в мире взаимосвязано [Там же, 2007. С. 164].

Открытость южнокорейского общества и его готовность к восприятию множества противоречащих друг другу трендов, обусловленная конфуцианской трансформацией² и выработанной в ходе этой трансформации новой классической традицией, с одной стороны, и стремлением влиться в поток глобализирующегося мира с другой, обуславливает наличие гибкой (комплексной, бессвязной, многогранной) идентичности южных корейцев и формирование в обществе большого количества субкультур.

¹ Традиционно считается, что модернизация в Ю. Корее началась в конце 1940-х гг.

² И. А. Толстокулаков выделяет следующие элементы, присущие комплексу азиатских ценностей: холизм общественного сознания, уважительное отношение к старшим, сохранение семьи как основной социальной ячейки, исключительная общественная роль системы устойчивых личных связей и контактов, неконфликтность и стремление к общественному компромиссу, признание важности образования как важного фактора социализации личности, соблюдение правил общественного этикета [Толстокулаков, 2007. С. 174]. Достоверность этих положений подтверждается исследованием Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho, 2003. P. 531–566.

Методология

Статья базируется на многолетних наблюдениях автора за южнокорейским обществом в ходе долгосрочных стажировок и краткосрочных поездок в период с 2011 по 2019 г. Ее теоретической основой послужили труды южнокорейских, европейских и российских антропологов и этнографов, среди которых особое место занимают работы А. К. Байбурина [1981], В. У. Тернера [1983], Т. Б. Щепанской [1993; 2004], И. А. Толстокулакова [2007], Чо Мюннэ [Cho Myung-Rae, 2003], Ким Джи Мёна [2001].

В нашем исследовании субкультура рассматривается как знаковая и нормативная система, способная к самовоспроизводству и относительно автономная в рамках более широкой системы культуры, как система знаков и норм, а не сообщество, как локальное уплотнение межличностных связей. Субкультура порождает группировки, которые возникают и перестают существовать, внося вклад в копилку ее традиции, причем трансляция традиции происходит на надгрупповом уровне [Щепанская, 2004. С. 31].

Основные результаты

Южнокорейский антрополог Чо Мюннэ, анализируя особенности социальности южных корейцев на примере сеульской городской агломерации, отмечает, что члены общества проявляют одновременно стремление к индивидуальности и институциональности, общественные взаимоотношения характеризуются значительной эластичностью, что позволяет претворять в жизнь кажущиеся несовместимыми вещи. В южнокорейском обществе не было, и нет необходимости разделять жизнь частную и жизнь общественную, поскольку выработанные в рамках конфуцианской идеологии принципы верности и взаимосвязи пронизывают все сферы общества и, тем самым, стирают границы деления. Так, выбор конкретной модели поведения зависит от социального контекста, что способствует формированию антропологической модели «бессвязной личности». «Бессвязная личность» характеризуется наличием большого количества наборов кодов, наслоенных друг на друга и реализующихся в зависимости от ситуации. Так, например, в семье корейцы проявляют себя строгими и патриархальными, а в публичной жизни характеризуются либеральными настроениями. Кроме того, они сочетают в себе материальные и постматериальные, современные и постмодернистские, националистические и космополитические, реалистические и ирреалистические черты [Чо Мюннэ, 2003. С. 204–205]. Таким образом, по Чо Мюннэ, сознание южных корейцев является своеобразным уплотнителем и накопителем современных тенденций и традиционных ценностей, и эта способность также обуславливает наличие большого количества различных групп и слоев в обществе.

Структура южнокорейского общества начала значительно усложняться с 1960-х гг., чему способствовало формирование оппозиции в виде молодежных и студенческих движений за демократические свободы. Отметим, что такая тенденция была характерна не только для корейского общества, но и для других обществ, находившихся на стадии индустриализации. В этот же период в Южной Корее правительством Пак Чонхи была объявлена программа «модернизации родины», в ходе которой происходило навязывание институтов западного толка и отказ от корейских традиционных образцов³. Жесткость политического режима внутри страны, а также следование политическому и экономическому курсу США и окончательный отказ от поисков попыток объединения Корейского полуострова на фоне поверхностного реформирования привели к появлению большого количества студенческих движений за демократию, воссоединение и сохранение национальной специфики. Именно в среде сту-

³ Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Ю. Корее. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_4/Ivanov_2012_4.pdf (дата обращения 15.08.2019).

денческих движений 1960–1980 гг. за демократические преобразования зарождались новые субкультуры.

Антрополог Ким Джин Мён указывает, что молодежь в Южной Корее всегда воспринималась как база для общественных преобразований и играла значительную роль во властной и политической структуре страны. Любые выступления, объектом которых являлась государственная власть, изначально воспринимались как опасные, находящиеся вне культуры, поэтому значение слова «субкультура» наделялось отрицательной коннотацией [Ким Джин Мён, 2001. С. 65–68]. В. У. Тернер пишет, что государственные перевороты, совершаемые с целью избавления от догмы и существующего порядка вещей не являются проявлением девиантного поведения, то есть выходом за пределы социальной нормы, но лишь стремлением к свободному выражению способа мышления, чувств, взглядов... и человеческих отношений, в которых реализуется товарищеская любовь и дружба (цит. по: [Ким Джин Мён, 2001. С. 66]). Тем не менее, антиэстеблишментская направленность южнокорейской молодежной субкультуры, формирующейся в студенческой среде, превращала ее в субкультуру «табу».

К началу 1990-х гг. Южная Корея уже была модернизирована, а общество диверсифицировано. Материнскими для большинства южнокорейских молодежных субкультур выступили европейские и американские [Ji Soo Na, Judy Park, 2011. P. 23], поэтому среди них можно увидеть большое количество сходных черт. Однако есть и группы, характерные только для Южной Кореи. Социологи связывают их появление с глобализацией и высокой степенью открытости южнокорейского общества, причудливо сочетающейся с тремя «Н» – неуверенностью, неудовлетворенностью и беспокойством (тревогой) [Park Kyungro, 2017. P. 49].

Глобализация предоставила молодежи возможности учиться за границей, а также внесла значительные изменения в комплекс ценностных представлений членов общества. Так, по данным от 2012 г., Южная Корея заняла третье место в рейтинге после Индии и КНР по количеству студентов, обучающихся за рубежом [Там же, 2017. P. 41]. Растет количество интернациональных браков, что является проявлением трансформации семьи как одного из важнейших столпов общества. Среди современных тенденций необходимо отметить такое явление как *пихончжуй* – отказ населения от вступления в брак. Согласно данным статистики Южной Кореи, в 2017–2018 гг. количество мужчин, не считающих обязательным вступить в брак, составило 48,1 %, а женщин – 50,6 %⁴.

Ценностные представления членов южнокорейского общества, увлеченных потреблением товаров и услуг, ориентированы, в первую очередь, на пластические операции, косметику, салонные процедуры, высокотехнологичные товары, дорогие автомобили, кожгалантерею и украшения. На этой основе также происходит формирование субкультур.

Необходимо отметить, что Южная Корея признана страной с самым острым конфликтом поколений ввиду приверженности старого поколения материалистическим ценностям, а нового – постматериалистическим [Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho, 2003. P. 532]. Значительные различия в ценностных установках в настоящее время продолжают обеспечивать диверсификацию структуры южнокорейского общества и объясняют наличие большого количества субкультур.

В настоящее время в южнокорейском обществе можно выделить следующие субкультуры: кей-поп фанатов, блогеров моппан, андерграунда и хиппи, ольджанов, клубных тусовщиков. Каждая из этих групп обладает собственной символикой и другими атрибутами, что позволяет сделать вывод об их принадлежности к субкультуре. Среди таких атрибутов принято выделять – общий язык, сеть коммуникаций, личные связи, поверхностные знакомства, общие нормы и ценности, модели поведения и формы взаимоотношений [Щепанская, 1993. С. 28–29].

⁴ Возраст вступления в брак и его необходимость http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=402&tblId=DT_402004N_003&conn_path=I2

Молодежные субкультуры Южной Кореи и их символика

Субкультура	История	Отличительные черты (символика)	Состав	Идентификационные знаки
К-поп	С дебюта к-поп-группы «Shinhwa» до наших дней развивается примерно одинаково	Одежда с логотипами к-поп групп, всевозможные украшения, лайтстики, своеобразный слэнг (так называемые fancheats). Во время выступления любимых групп выкрикивают определенные фразы	Слушающие к-поп молодые люди, лидеры фандомов	Одежда с логотипами групп, специальные часы
Ольджан	С развитием уровня качества пластической хирургии молодые люди все больше стремятся изменить свою внешность. В большинстве своем молодая субкультура (2010-е годы)	Двойное веко, маленькое (чаще овальное, с четким подбородком) лицо, аккуратный характерный макияж, тонкий нос, не типичная для корейцев внешность, стильная одежда. Огромный акцент делают на внешности, завоевании популярности в социальных сетях. Парная культура	Парни и девушки от 16–25 лет (в Корее, Японии и Китае)	Через социальные сети, блоги
Косплеи		Особенная одежда (характерная для копируемого персонажа), парики, линзы, макияж		Главным образом, одежда
Пхочуджок (стрирайсеры)	Изначально так называли только выпускников школ, имеющих байки или другие средства передвижения. Сейчас это понятие приобрело характер собирательного для всех гонщиков	Кожаные куртки поверх формы, тяжелые ботинки, перчатки	Молодые люди, имеющие транспортное средство, желающие участвовать в гонках	Существуют специальные места сбора, чаще всего встречи происходят в темное время суток
Мокбан	Блоггерская, активно развивается в Южной Корее. Данное направление появилось ввиду разнообразия корейской кухни		Молодые люди, блогеры Yang SuBin	Youtube
Субкультура андеграунда	Берёт свое начало в американской хип-хоп андеграундной культуре. Распространялась вместе с американской музыкой	Хип-хоп-жесты, кепки, широкие штаны (джинсы), рубашки поверх маек, подражание рэп-кумирам, «сходки»	Любители хип-хопа	Существуют специальные места сбора. Часто можно встретить на площадках для катания на роликах, велосипедах и проч.
Хиппи	Берёт свое начало в западной субкультуре хиппи. Исторически связано с выступлениями против Японии	Знак «Y». Корейские хиппи отличаются от западных внешностью. Они не носят типичную для хиппи одежду, не ограчивают волосы		https://hippiekoreacommunity.wordpress.com/ https://www.hippiesoul.com/

Как видно из таблицы, подготовленной автором по собственным полевым материалам и наблюдениям, основными стилевыми кодами корейских молодежных субкультур являются предметы общей моды, имеющие символическое значение. Например, ношение бейсбольной шляпы сбоку – это стильно, но также и отражает уникальный образ хип-хопперов. Все южнокорейские субкультуры сопротивляются навязываемым им старшим поколением консервативным идеалам и образцам, а также высоким требованиям общества.

Заключение

Гибкая идентичность является основной характеристикой пограничного (лиминального) южнокорейского общества, которое в настоящее время представляет собой непрерывную сеть, состоящую из реципрокности, верности, установленных связей, доверия, обмена подарками, служащих для достижения согласия, выявления эмоциональных и материальных обязательств, решения проблем. Истоки такой идентичности были заложены в средние века, когда происходила конфуцианская трансформация корейского общества. Лояльное отношение конфуцианства ко всему новому сформировало в корейском этносе культурные фильтры особого типа, действие которых обеспечивает диверсификацию общественной структуры и появление большого количества субкультур.

Список литературы

- Байбурин А. К.** Семиотический статус вещей и мифология // Сборник МАЭ. Т. 37. Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.
- Тернер В. У.** Символ и ритуал. М.: ГРВЛ, 1983. 277 с.
- Толстокулаков И. А.** Политическая модернизация Южной Кореи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. Ч. 1. 363 с.
- Щепанская Т. Б.** Символика молодежной субкультуры. СПб.: Наука, 1993. 340 с.
- Щепанская Т. Б.** Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
- Ким Джин Мён.** Хангук-ый хавимунхва [Субкультуры в Южной Корее]. Сеул: Чибмундан, 2001. 286 с. (на кор. яз.)
- Cho Myung-Rae.** Flexible Sociality and the Postmodernity of Seoul. In: Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym, 2003, p. 201–220.
- Ji Soo Ha, Judy Park.** Significance of Changing Korean Youth Subculture Styles. *Asian Culture and History*, 2011, vol. 3, no. 1, p. 23–30.
- Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho.** Changes in Values and Generation Gap During the Past Two Decades (1979–1998) in Korea. In: Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym, 2003, p. 531–566.
- Park Kyungro.** The political Economy of South Korean Trade Growth and Social Change, 1963–2013. *Journal of Contemporary Korean Studies*, 2017, vol. 4, no. 1: National Museum of Korean Contemporary History, p. 35–64.

References

- Baiburin A. K.** Semioticheskiy status veshhej i mifologiya [The semiotic status of things and mythology]. In: Sbornik muzeya antropologii i etnografii. Vol. 37. Materialnaya kultura i mifologiya [Material Culture and Mythology]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, p. 215–226. (in Russ.)
- Turner V. W.** Simvol i ritual [Symbol and ritual]. M.: Nauka publishers, 1983, 277 p. (in Russ.)
- Tolstokulakov I. A.** Politicheskaja modernizacija Juzhnoj Korei [Political Modernization of South Korea]. Vladivostok, Dalnevostochny University Publ., 2007, pt. 1, 363 p. (in Russ.)
- Shhepanskaya T. B.** Simvolika molodezhnoj subkul'tury [Symbolism of Youth culture]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 340 p. (in Russ.)

- Shhepanskaya T. B.** Sistema: teksty i tradicii subkul'tury [System and tradition of subculture]. Moscow, OGI, 2004, 286 p. (in Russ.)
- Cho Myung-Rae.** Flexible Sociality and the Postmodernity of Seoul. In: Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym, 2003, p. 201–220.
- Ji Soo Ha, Judy Park.** Significance of Changing Korean Youth Subculture Styles. *Asian Culture and History*, 2011, vol. 3, no. 1, p. 23–30.
- Na Eun-Yeong, Cha Chae-ho.** Changes in Values and Generation Gap During the Past Two Decades (1979–1998) in Korea. In: Korean Anthropology: Contemporary Korean Culture in Flux. Seoul, Hollym, 2003, p. 531–566.
- Park Kyungro.** The political Economy of South Korean Trade Growth and Social Change, 1963–2013. *Journal of Contemporary Korean Studies*, 2017, vol. 4, no. 1: National Museum of Korean Contemporary History, p. 35–64.
- Kim Jin Myeong.** Hangukeu hawimunhwa [집진명. 한국의 하위문화]. Subcultures in South Korea. Seoul, Jipmundang, 2001, 286 p. (in Kor.).

Материал поступил в редколлегию
Received
15.08.2019

Сведения об авторе

Шмакова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (ул. Малая Ордынка, 17, Москва, 119017, Россия)
kity45@yandex.ru

Information about the Author

Anna S. Shmakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University, Higher School of Economics (17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation)
kity45@yandex.ru